

Ю. Ю. Першин

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье автор рассматривает философские проблемы интерпретации археологических находок эпохи палеолита.

In the article the author discloses philosophical problems of the Paleolithic archaeological sources.

Результаты деятельности древнего человека, аккумулированные в репрезентаторах – преимущественно материальных объектах, артефактах, – содержат в себе определенный объем информации, ценной для аналитика и интерпретатора, пытающегося воссоздать условия жизни в отдаленные эпохи. Задачей огромной важности для специалиста становится не только проведение всего комплекса работ, таких, как археологическая разведка и раскопки, фиксация (в т. ч. и фиксация условий нахождения предмета, контекста, места находки в соответствующем комплексе и пр.) и сохранение (консервация) археологических источников, но и их *анализ и интерпретация*. Именно от них зависят количество и качество получаемой от источника информации. Любой археологический источник, каким бы на первый взгляд информационно насыщенным он ни казался, является своеобразной «вещью в себе», которая никогда не станет «вещью для нас». Используя современные методы датировки и анализа источника, мы получим максимально возможное в наших условиях количество информации об артефакте, которую в какой-то степени можно проверить и перепроверить. Но даже при этом вряд ли можно сказать, что это будет полная информация о предмете, вряд ли можно будет утверждать, что артефакт не несет в себе некий скрытый от дотошного аналитика, пусть даже минимальный объем информации, который никогда не станет нам доступен. Помимо этого, даже если анализ данного археологического источника даст определенный набор фактических знаний, эти факты в ходе интерпретации вполне могут получить различное толкование. И совершенно не является фактом, что интерпретация даст исчерпывающую информацию о предмете. Еще более ненадежной будет реконструкция мыслей, желаний, переживаний, страхов того, кому принадлежал этот артефакт

Археологическая «вещь в себе» в виде артефакта, конструкции, сооружения, изображения, скульптуры и т. п. представляет собой многоуровневый носитель информации. Это информация о едином-единственном (Бахтин) времени-месте-пространстве, существовавшем вокруг данного артефакта. Фактически он – репрезентатор хронотопа. Артефакт становится археологическим источником не сам по себе, а только по решению исследователя, который своей волей включает его в исследовательский процесс получения археологических фактов. Последние

подвергаются исторической интерпретации. Таким образом, история в этом отношении делается по схеме движения исследователя: от материальных объектов (артефактов) через определение археологического источника и установления археологического факта к историческому факту.

Следует учитывать, что понятие *факта* так же субъективно, как и понятие *мнения*. Ведь интерпретатор является создателем или адептом определенной концепции (теории), которую надо подтвердить (или опровергнуть) противостоящую ей концепцию (теорию). Он может привлекать к исследованию те археологические материалы, которые ему кажутся достаточно убедительными, и наоборот, может игнорировать те, которые могут противоречить его построениям¹. В своей интерпретации человеческого сам человек всего лишь человек, и ему свойственно всё человеческое, в том числе и субъективные суждения, и крайний волюнтаризм при выборе археологических источников. Отсюда точное и достоверное реконструирование событий, инструментов, тем более идей и верований на основе археологического материала представляется как относительно и отчасти возможным, так и проблематичным, а иногда совершенно невозможным, так как все перечисленные выше издержки, предшествующие интерпретации, могут дополняться принадлежностью исследователя к совершенно иной культуре, чем та, которую он исследует. Здесь непреодолимым препятствием является время, вмещающее в себя закономерную разницу между исследующей и исследуемой культурами, способствующее искажению и без того скудной информации знанием, жизненным опытом исследователя, его фантазиями относительно объекта исследования, его условиями жизни, разницей в языке, технологии, идеологии, политике, науке, мировоззрении, религии.

Одним из выходов из складывающегося положения является интерпретация археологических источников, строящаяся на аналогии. Интерпретация по аналогии – выражение субъективного мнения исследователя, основанного на допущении того, что известный и достоверный факт может объяснить что-то сходное с ним по некоторым признакам. Если острый скол камня похож на аналогичные являющиеся скребками или рубилами и найден в тех же условиях и окружении, то его также можно определить как скребок или рубило. Однако этот метод также может давать неприятные сбои, когда, к примеру артефакт, похожий на высокий чайник с длинным носиком, по аналогии определяется как чайник, но на самом деле таковым не является и предназначен для процедур личной или общественной гигиены.

Из этого положения также есть выход: применять комплекс различных методов. К примеру, можно объяснять археологические данные, сопоставляя их с предметами и стилем жизни какого-нибудь племени или народа (в т. ч. с

---

¹ См., к примеру, замечания по поводу подобного субъективизма: Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. – Киев: Наукова думка, 1985. – 226 с.

примитивным хозяйством), живущего в наше время. Такой метод носит название этнографической аналогии. Он корнями уходит в эпоху первых путешествий, когда исследователи открывали Америку, исследовали Африку и Австралию, где они встречали племена, близкие по своему уровню к первобытным. Применение по аналогии этнографических данных, собранных в то время в Африке, к современным памятникам, к примеру, в Австралии носит название общеэтнографической аналогии. Относительно более точен метод прямой исторической аналогии, когда археологический материал сопоставляется с этнографической информацией о народе, который в культурном отношении является преемником и наследником традиций народа, жившего здесь ранее и оставившего после себя эти археологические артефакты и памятники. В последнем случае остается надежда, что этот метод более надежен, поскольку нынешние, современные представители древнего народа могли сохранить традиции и стиль жизни своих предков².

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что археолог должен быть не просто специалистом в своей узконаправленной деятельности, но и разносторонне образованным человеком, быть специалистом и в смежных с археологией науках. Именно такие знания, к примеру об окружающей древнейшего человека природной среде, технологиях, средствах существования, социальной организации и регуляции, демографии, искусстве, мировоззрении, религии дадут ему возможность делать более адекватные интерпретации археологических находок и памятников³.

---

² Об этом говорил еще Д. Леббок, считавший, что, изучая современных ему дикарей, ученые могли получить правильные представления о древнейшем человеке и стадиях его развития. См.: Lebbok, J. *Social and Religious Conditions of the Lower Races* // *Annual report of the Smithsonian Institution for 1869*. – Washington, 1871. – P. 325. Однако, как считают специалисты позднего периода, «метод этнографических параллелей по отношению к культурным явлениям палеолитического времени по целому ряду показателей не оправдан(...) По сути дела, отечественная наука, занимающаяся проблемами палеолитического творчества, и в частности мобильного искусства, оказалась в «методологическом» тупике, что и сказывается на общем состоянии научного направления». См.: Шмидт И. В. *Палеолитическое искусство Сибири в трудах отечественных ученых (на примере анализа истории изучения проблем сибирской палеолитической антропоморфной скульптуры)* // *Вестник Омского университета*. – 1999. – Вып. 1. – С. 40–45. В свое время Г. Мартин Вобст предупреждал о «тирании» этнографической аналогии в археологии и выступал против уверенности исследователей в том, что практически любому объясняемому явлению прошлого можно найти этнографические аналогии, зафиксированные или присутствующие в современности. Он также считает, что некоторые виды деятельности первобытного человека не имеют аналогов. См.: Wobst, H. Martin. *The Archaeo-Ethnology of Hunter-Gatherers or the Tyranny of the Ethnographic Record in Archaeology* // *American Antiquity*. – 1978. – № 43. – P. 303–308. В. Г. Чайлд также был противником культурно-антропологического подхода и лишь в самых редких случаях считал вынужденным применение метода этнографических аналогий для интерпретации археологических материалов. См., например: Childe, V. Gordon. *Piecing Together the Past: The Interpretation of Archaeological Data*. – Frederick A. Praeger, 1956. и др.

³ Такое понимание археологии как отрасли антропологии более свойственно американской школе археологии.

Понимание такой ситуации показали некоторые представители так называемой «новой» (процессуальной) археологии, предполагая в проведении исследований участие представителей различных наук – геологов, географов, биологов, физиков, агрономов и др. с включением в археологический лексикон терминологии из других наук.

Однако, даже получив специалиста со знаниями, способными во многом повысить уровень и качество интерпретации, проблематичным остается выявление мотивов такой, на первый взгляд, кажущейся «непрагматичной» деятельности древнего человека, как искусство, и такой кажущейся «иррациональной» деятельности, как религия. Следует учитывать, что современная археология представляет собой своеобразный конгломерат, симбиоз различных направлений, течений и школ археологии, когда специалист зачастую использует методы и приемы проведения исследования, которые можно было бы отнести к различным, иногда противоположным и противостоящим школам и направлениям. В ней очень трудно, если вообще возможно, эксплицировать какую-то одну превалирующую или доминирующую парадигму. Возможно такое положение дел наиболее эффективно, прагматично и рационально, так как исследователь получает возможность «объемного» и всестороннего исследования археологического материала, результаты которого могут быть не противоречащими друг другу, а взаимодополняющими.

При заявленном тотальном субъективизме исследований и интерпретаций мы вероятно можем говорить только о большей или меньшей степени объективности. При этом кажется, что исчерпаны все методы интерпретаций, однако в русле антропологического подхода можно утверждать, что к феноменам культурной и религиозной активности древнейшего человека применимы подходы философской антропологии (как разновидности антропологии), философии религии, философской «археологии», в том числе и «археологии» религии, имеющие свои методологии интерпретации человеческих проявлений, которые можно было бы назвать духовными.

Наука с достаточной точностью установила, что человек представлял собой в то или иное время по градации от самого примитивного до «гомо сапиенса». Но для нас, несмотря на такую ясность, все же представляется проблемным определить, когда же начался сам человек. С чего он начался? С изготовления первого орудия труда? С первого захоронения? С первого рисунка, первых бус? Ведь даже с устоявшимся утверждением о том, что человек проявил признаки человеческого с изготовлением первого орудия труда, для нас не все так ясно и просто.

Здесь возникает еще одна, смежная с упомянутой, проблема – проблема относительно строгой фиксации этих находок по временной шкале. Попробуем описать ее, опуская размышления по поводу точности или неточности современных методов установления датировок археологических находок. Для примера возьмем гипотетическое раннее захоронение, на которое указывает ряд специфических признаков. Устанавливая дату захоронения, даже приблизительную, с «зазором» в тысячелетие, а то и в

несколько тысячелетий (особенно для палеолита), мы фактически фиксируем это событие, «прибываем» его к временной шкале, «распинаем» его на ней, относя начало подобных явлений именно к этому времени. Здесь мы начинаем следовать методологической установке, говорящей, что если нет находки артефакта, любого материального свидетельства, то нет и события, которое гипотетически могло иметь место. Применяя это правило к нашему примеру, можно заключить, что захоронения людей начались именно в установленный нами промежуток и не ранее. Однако мы можем прекрасно осознавать, что феномен человеческой деятельности, и следовательно, феномен проточеловеческого мышления мог состояться задолго до того времени, к которому мы относим нашу находку. И не просто «мог», а должен был состояться гораздо раньше, чтобы к наблюдаемому нами времени он уже оформился в определенный ритуал, свидетельства которого мы нашли и успешно датировали⁴. Останавливает нас лишь честная констатация отсутствия фактов, подтверждающих наше умозаключение.

Подойдем с другой точки зрения. Существующий антропологический подход говорит о том, что человек как *homo sapiens* сформировался в совершенно определенную эпоху. Однако нас такой подход не устраивает. Дело в том, что нам надо точно, насколько возможно, определить *что* в существе той эпохи было *человеческим*. Такая размерность человека исходит из того, что даже в наше цивилизованное время мы склонны искать и выявлять то, что является чисто *человеческим* в человеке. Именно это *человеческое* и будет для нас являться инструментом измерения человека во времени. Следовательно, мы будем исходить из фиксации того, что делало человека человеком уже тогда, десятки и сотни тысяч лет назад.

Признаемся, что, имея в распоряжении только археологические памятники и артефакты, мы вряд ли дадим полную характеристику *человеческому* той далекой эпохи, даже применяя различные подходы и методики. Ведь мы не можем сделать этого и сейчас, даже имея под рукой и самого «носителя» этого *человеческого* непосредственно в современном его варианте. Но, поставив себе такую сложную задачу, по результатам исследования самых первых и примитивных инструментов, фактически камней, которые отличаются от своих необработанных «собратьев» настолько, что любой неподготовленный человек не признает в них первых орудий труда, увидеть в древнем человеке *человеческое*, мы определим человека не по антропометрическим данным и даже не собственно по результатам его деятельности, вернее, вещественным остаткам его деятельности, которая хотя и минимально, но отличается от поведения животного.

Такой подход нас ко многому обязывает. К примеру, захоронение человека человеком уже говорит о ритуале, следовательно, о проявлении

---

⁴ Интересно то, что зачастую просто фиксируется время, когда данный артефакт или другой источник был создан древними людьми, но время, когда подобные артефакты вообще начали изготавливаться, определить практически невозможно, о нем судят по косвенным признакам, по сложности самого феномена. Но чаще всего и не думают об этом.

человеческого. Изготовление самого первого примитивного орудия труда говорит о проявлении человеческого в проточеловеке. Но при этом следует учесть, что *человеческое* в нем фактически проявилось еще раньше, еще до изготовления такого орудия. Оно проявилось с момента возникновения мысли о нем, то есть мысли о чем-то, что может способствовать примитивному существу лучше и адекватнее действовать в окружающем мире. Отсюда человек – это прежде всего «человек рациональный», мыслящий и через мысль приспособляющийся к жизни в этом мире, «человек прагматичный», делающий орудия труда не из-за пробуждения инстинкта, не из-за проявления рефлекса, а из-за ясного осознания необходимости недостающего звена-инструмента в его отношениях с природой. Инструмента-орудия труда, который переводит его на более высокий уровень коммуникации с миром. Осознание такой необходимости говорит о том, что человек начинает выделять среду обитания, окружающий мир как коммуниканта. Как собеседника, а иногда и как оппонента.

Отсюда определимся: мы называем человеком существо, в котором по результатам раскопок и последующего анализа и интерпретации источников можно определить хотя бы в минимальной степени проявление *человеческого*, возможно вовсе не того, что присуще современному человеку. Того, что присуще человеку вне времени.

Изготовление первых инструментов из камня, из костей, элементы украшения, жилища, похороны, в том числе и явно «сложные», рисунки и прочие подобные свидетельства и артефакты с точностью, которую позволяют современные методы датировки, говорят о присутствии и актуализации *человеческого* в будущем человеке. И инструментом изучения *человеческого* по всей шкале развития человека от древнего существа-проточеловека до современного человека человек может избрать только себя самого. Избирая человека как инструмент изучения самого себя, он вправе задуматься, а можно ли по отголоскам, остаткам примитивного мышления людей, в том числе и современных нам, по рудиментам мышления, которое практически не отличается от «сора», «табуированных» в современном обществе мыслей, мыслей «по аналогии», которые возникают у человека в критические экзистенциальные ситуации, ситуации боли, ситуации пролития крови, ситуации близкой смерти, ситуации тяжелого выбора, ситуации жертвы, определить то минимальное расстояние его от животного, начало этого отделения, развилки. Если такие мысли-артефакты, архетипы мышления, осколки пред-сознания существуют, определимы, их можно выделить и изучить, то мы можем подобраться не только к «архе» человеческого мышления, но и всех первых открытий и достижений, на которые оказалась способной первобытная мысль. В том числе и к «архе» религии.

Определение человека как человека по одному лишь орудию труда, без мыслей, желаний, того, что было присуще человеку и помимо «трудовой деятельности», недостаточно. Это механическое закрепление факта изготовления и применения орудия труда. Однако до изготовления и

применения этого орудия труда необходимо затратить определенное количество умственных усилий для того, чтобы понять, что чего-то не хватает для производства этой деятельности, определить, каково орудие должно быть, как именно его произвести, из чего его произвести, как его применить, и какой необходим результат. Иными словами, перед применением первого орудия труда и становлением человеком проточеловек должен был произвести продумывание, выстраивание и «рациональную обкатку» технологии изготовления такого орудия труда. То есть он становился человеком фактически еще до применения орудия туда, до его изготовления, с осознанием того, что ему надо, что он способен и что он это сделает, восходя к человеческому по цепочке «хочу – могу – буду». Фактически первым «орудием труда», помимо рук и зубов, первобытного человека стал его мозг.

В своей монографии «Происхождение цивилизации (социально-философский аспект)»⁵ Н. В. Клягин приводит данные о развитии технологий изготовления самых примитивных каменных орудий. Для получения каменного рубила в олдовайскую эпоху (1,65 – 1,25 млн) древнему человеку (*homo habilis*) надо было сделать от трех до десяти ударов камнем по камню⁶, в нижнеашельскую эпоху (0,736 – 0,718 млн, архантроп) – от восьми до десяти⁷, для изготовления древнеашельского рубила аббевильской техники (0,654 млн, архантроп) – до 25 операций⁸, средне-верхнеашельского рубила (0,459 – 0,383 млн, архантроп) – до 65 ударов. Для изготовления ножа со спинкой в эпоху мустье (310 000 – 50 000, неандерталец – палеантроп) было необходимо сделать 111 (по орудиям до 200) ударов, а в эпоху ориньяк (50 000 – 21 500, *homo sapiens* – неоантроп) – 251 удар. Отсюда очевиден рост сложности технологий.

Для нас интересен первый скачок технологии – не от трех к десяти и более ударам, а еще ранее – от применения камня такого, каков он есть, к применению его после обработки одним ударом. Да и сам удар камня по камню для придания формы не предмет разбирательства. Дело в том, что такое действие может быть сделано по аналогии, увидев, как падение большого камня на другой камень разбивает его на осколки или отламывает он него удобные сколы, проточеловек мог сделать то же самое. Без обдумывания. Если не получится нужных осколков, можно ударить еще раз, вдруг случайно получатся. Но дело в том, что второй удар на удачу отличается от другого удара в определенное место, тем более от третьего удара в то место, которое древний человек (именно на этом этапе его можно

---

⁵ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). – М.: ИФРАН, 1996. – 252 с.

⁶ См.: Тот Н. Первая технология // В мире науки. – 1987. – № 6. – С. 83 (цит. по: Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект).

⁷ См.: Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. – М., 1977. – С. 83 (цит. по: Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект).

⁸ См.: Констэбл Дж. Неандертальцы: возникновение человека. – М., 1978. – С. 128 (цит. по: Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект)).

было бы назвать человеком) делает уже сознательно, продумав место и то, что должно получиться, совместив это с тем, что он хочет получить. Следовательно, человек начинается с первого обдуманного удара камня по камню. А точнее – с первого обдумывания, с первой мыслью. Надо было бы быть гениальным или, как минимум, очень талантливым, чтобы понять, куда и для чего нанести второй удар.

Рост технологий, как отмечает Н. В. Клягин⁹, у первобытных гоминид сопровождался высвобождением части их активного времени, которое не было занято «древней формой производственных отношений». Если бы они не заняли его чем-то другим, их сообщества должны были бы распасться и вернуть их в животное состояние. Однако их сообщество сохранилось благодаря тому, что во время, свободное от производственного общения необходимого для производства жизни и интеграции социума, гоминиды занимали непроизводственной коммуникацией, также необходимой для интеграции социума в иных аспектах.

Помимо этого, исследования археологических памятников в Африке (Кооби-Фора, Туркана, Кения, 1,65 – 1,25 млн) установили, что древние люди-создатели этой культуры были правшами¹⁰. Зная, что за правую руку и речь ответственно левое полушарие головного мозга, можно было бы предположить, что древние люди в этот период владели языком жестов. В таком случае коммуникацию посредством жеста можно определить как речевой акт, в котором жест одномоментен возможно непроявленной устной речи, интенциональности мысли. В любом случае такая подкрепленная жестами интенциональность обязательно приведет к появлению собственно устной речи. Н. В. Клягин¹¹ в своей монографии полагает, что у человека прямоходящего процесс перехода к устной речи завершился уже 0,73 млн лет назад (Странска скала, Брно, Южная Моравия, Чехия), о чем свидетельствует появление так называемого мобильного искусства, к этому же времени можно отнести появление предметной формы лунного календаря и связанного с ним арифметического счета. А развитие языка имеет прямое отношение к одной из форм религиозных представлений – мифологии. Такие выводы Н. В. Клягин делает на основании исследований А. Леруа-Гурана, А. Маршака и Б. А. Фролова¹². А. Леруа-Гуран утверждал, что в верхнепалеолитическом искусстве в течение долгого периода времени (33 000 – 14 300) как в наскальном, так и в мобильном искусстве наблюдается поразительное однообразие сюжетов. Основная композиция состояла из фигур лошади, бизона (быка), горного козла (оленя), мамонта, а также из

---

⁹ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). – М.: ИФРАН, 1996.

¹⁰ См.: Тот Н. Первая технология // В мире науки. – 1987. – № 6. – С. 86–87.

¹¹ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). – М.: ИФРАН, 1996.

¹² Leroi-Gourhan, A. Les religions de la préhistoire: (Paléolithique). – Paris, 1964. – P. 77–152; Marshack, A. The roots of civilization. – N.Y., 1972.; Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 274 с.

некоторых других редких животных, антропоморфных фигур и множества знаков. Такое сюжетное однообразие А. Леруа-Гуран объяснил крайней стабильностью стоящих за ним идеологических представлений, которым могли отвечать только мифологические. Сравнивая искусство этого периода с мобильным искусством среднего и нижнего палеолита, Н. В. Клягин говорит об их глубоком генетическом родстве, а значит появлении мифологии гораздо раньше – со времени появления памятников мобильного искусства (древнейший из которых датируется 0,73 млн лет назад: Странска скала, Брно, Южная Моравия, Чехия). Родство верхнепалеолитического искусства и мифологии, существование которых предполагает язык, с мифологией среднего и нижнего палеолита дает Н. В. Клягину основание предполагать, что древность вербального языка не уступает возрасту нижнепалеолитического искусства, т. е. 0,73 млн лет. К этому же времени и на тех же основаниях по генетическому сходству знаковой системы относится датировка лунного календаря и арифметического счета.

Подобные выводы важны для нас тем, что они говорят о достаточно обширной регламентации и ритуализации¹³ жизни древних людей, причем не только свободного времени, но и времени производственного общения. Эта регламентация возможно даже стирала зыбкую грань между тем, что мы обозначаем как свободное время, и тем, что мы обозначаем как производственное общение. Эта регламентация была жизненно необходима и устойчива. Настолько устойчива, что, к примеру, дошедшие до нашего времени архаические праздники до сих пор имеют календарную привязку к солнечному и лунному календарям¹⁴. К ним же (помимо сельскохозяйственного календаря) привязана имеющая архаические корни система метеорологии, определения благоприятного времени для лечения, сбора лечебных трав и пр. Признаки такой регламентации жизни прослеживаются и в описании древнейших захоронений. Одним из таких признаков является применение древними людьми красной охры –

---

¹³ Ритуализация в данном контексте является индикатором зарождения физиогенной религиозности. Физиогенный в отношении к религиозности понимается как рожденный в результате коммуникации человека с природой, в результате антропоморфизации природных явлений и их обожествления, когда человек и социум не выделяют себя из природного мира. Физиогенная религиозность принимает форму так называемых «природных религий» и верований. В противоположность физиогенной религиозности социогенная религиозность понимается как имеющая истоки в социальности, порожденная социальной необходимостью, социальным заказом, предназначенная для выполнения определенных идеологических и политических задач, определенным образом структурирующая общество, его идеи, ценности, мораль в интересах отдельной группы лиц, отдельного класса.

¹⁴ Такая же привязка мифологических ритуалов до сих пор существует у австралийских аборигенов, см.: Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. – М., 1981. – С. 190–223. Помимо этого даже даты праздников, отмечаемых социогенными религиями, отчасти дублируют даты архаических праздников либо рассчитываются относительно солнечного и лунного циклов.

древнейшего средства¹⁵, присутствующего в церемониях погребения и иных ритуалах, дошедших до нашего времени. Эту регламентацию задала и содержит в себе та деятельность человека, которую в наше время в ее нынешнем весьма ограниченном существовании и понимании называют магией.

---

¹⁵ Древнейшие находки охры, используемой в ритуалах, известны на одной из древнейших стоянок древних гоминид в Олдувайском ущелье в Танзании, в Африке, которая датируется 1,2 млн лет. Про современное использование охры в ритуалах см., например: Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. – М., 1981. – С. 190–223, 344–345.